

© 2018 г.

В. Н. ЗЕМЦОВ

КНЯЗЬ А. Б. КУРАКИН И РУССКАЯ РАЗВЕДКА В ПАРИЖЕ В 1812 году

Земцов Владимир Николаевич — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург, Россия).

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

DOI: 10.31857/S013038640001409-7

1 мая 1812 г., между 4 и 5 часами пополудни на Гревской площади в Париже при большом стечении публики был гильотинирован Мишель Мишель, бывший чиновник управления обмундирования войск министерства военной администрации, приговоренный к смерти за шпионаж в пользу России. В тюрьме оказались и его сообщники из военного министерства — Л. Саже, состоявший в бюро передвижений войск, Л. Ф. А. Сальмон из бюро смотров, Ж. Н. М. Мозе, по прозвищу Мирабо, рассыльный, а также австриец Ж. Вюстингер, служивший консьержем при русском посольстве и игравший роль посредника между посольством и завербованными чиновниками французских военных министерств.

Деятельности «группы Мишеля» и связанного с ней флигель-адъютанта русского императора полковника А. И. Чернышева посвящена обширная литература¹. Однако, в сущности, после выхода в свет 1896 г. третьего тома исследования А. Вандаля «Наполеон и Александр I» историки не смогли добавить чего-либо существенного к картине трагедии, разыгравшейся в первые месяцы 1812 г. в Париже и связанной с провалом русской разведывательной сети. Основной массив данных о «русском шпионаже» в 1812 г. содержится в бумагах самого «дела Мишеля», хранящимися в Национальном архиве Франции² и которыми только частично воспользовался более 120 лет назад А. Вандаль. Но еще большее значение имеют другие документы, представляющие собой бюллетени, составленные для министра иностранных дел Франции Ю. Б. Маре, герцога Бассано секретными агентами, внедренными в русское посольство³, а также материалы, хранящиеся в Архиве Министерства иностранных дел Франции и Государственном архиве Австрии⁴.

¹ *Ernouf A. Maret, duc de Bassano. Paris, 1884, p. 345—347; Тимирязев В. А.* Чернышев и Мишель. — *Исторический вестник*, 1895, № 2, с. 605—622; *Vandal A. Napoléon et Alexandre I, t. 3. Paris, 1896, p. 313—322; Сироткин В. Г.* Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801—1812 гг. М., 1966, с. 173—178; *Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005, с. 53—55; *Понов А. Н.* Отечественная война 1812 года, т. 1. Сношения России с иностранными державами перед Отечественной войной 1812 года. М., 2008, с. 129—133; *Arboit G. 1812 : le renseignement russe face a Napoléon. — Revue de l'Institut Napoléon. № 204, 2012-1, p. 71—86; Соколов О. В.* Битва двух империй. М., 2012, с. 386—390, 543—546; *Roucaud M.* “L’affaire Michel” ou le recrutement d’employés pour le compte de Russie. — *Revue du souvenir Napoléonien*, 2013, № 49; *Искуль С. Н.* Война и мир в России 1812 года. СПб., 2015, с. 41—43.

² Archives nationales (далее — AN), Série AF IV, Série F VII, 6575.

³ AN, Série AF IV, AP 204, Maret, dossier 2, f. 390—495.

⁴ Archives du Ministère des affaires étrangères. Série «Correspondance politique». Sous-série «Russie» (далее — AMAE), v. 154; Série «Correspondance politique. Supplément» (далее — AMAE), v. 17; Hof-, Haus- und Staats-Archiv, Wien, Frankreich 1812 (далее — Hof-, Haus- und Staats-Archiv), Karton 214—215.

Обращение к этим документам дает возможность не просто дополнить «классическую» картину той драмы, которая разыгралась в Париже в 1812 г., но и, детально реконструировав ход событий, существенно пересмотреть ее.

Французско-русский союз, оформленный в 1807 г. в Тильзите, к 1810 г. уже значительно исчерпал свой потенциал. Документы, опубликованные в 2014 г. в новом издании корреспонденции Наполеона, свидетельствуют, что французский император принял окончательное решение о систематической подготовке к войне с Россией в начале октября 1810 г. и сориентировал завершение этих приготовлений на март 1812 г.⁵ Россия также начала последовательную подготовку к войне с Францией. В этих условиях все большее значение приобретали усилия сторон по выяснению истинных намерений друг друга и практических мер по подготовке к войне. Еще в 1804 г. секретарю русского посольства в Париже П. Я. Убри удалось завербовать Мишеля Мишеля, состоявшего вначале чиновником военного министерства. Однако к 1810 г. Мишель был переведен в управление обмундирования войск министерства военной администрации, что значительно сузило круг его возможностей как информатора. Поэтому А. Л. Крафт, сотрудник русского посольства, который принял от секретаря посольства К. В. Нессельроде, ставшего в свою очередь преемником Убри, контакты с Мишелем, настоятельно порекомендовал последнему найти возможности для сбора в военном министерстве ценных для Петербурга сведений. Плодом усилий Мишеля в этом направлении стало формирование целой группы из числа работников обоих министерств, которые добывали для него ценные материалы. Мишель убедил их в том, что сведения о составе и передвижениях войск ему необходимы, чтобы, во-первых, следить за судьбой своего мнимого родственника, оказавшегося в армии, а во-вторых, информировать некоего, также придуманного им самим поставщика обмундирования Дельпона.

Помимо сведений, поступавших в русское посольство благодаря деятельности Мишеля и его сообщников, имелись и иные каналы поступления данных. Главным лицом, к которому они поступали и который был призван анализировать их и представлять в Петербург, являлся посол князь Александр Борисович Куракин⁶. Он регулярно готовил пространные обзоры внутреннего положения во Франции, передавал сведения о передвижениях войск, военных припасов и экипажей самого Наполеона. Располагая обширными, а нередко очень давними, тесными и разнообразными (от политических до любовных и масонских) связями в самых разных кругах Парижа и других городов Европы и даже США, русский посол являлся не просто «позолоченным манекеном», как характеризовал его А. Вандаль⁷, но центральной фигурой информационной сети Петербурга и главной «фигурой русского влияния» во Франции. К началу 1811 г. Куракин уже ясно видел активные усилия Франции, направленные на подготовку к войне с Россией и последовательно информировал об этом канцлера Н. П. Румянцева и императора Александра I⁸. В течение весны и лета 1811 г. обеспокоенность Куракина переросла в совершен-

⁵ *Napoléon Bonaparte. Correspondance générale.* Paris, 2014, t. 10. № 24816, p. 743—748.

⁶ Биографические сведения о А. Б. Куракине см.: *Дружинин П. А. Князь А. Б. Куракин. Опыт биографии.* — *Его же.* Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752—1818). М., 2002, с. 7—75.

⁷ А. Вандаль писал: «Престарелый князь был неограничен уже в силу своего ничтожества. Этого золоченого манекена, с блаженно улыбающимся лицом, эту украшенную драгоценностями и отличиями куклу поставили перед французским правительством только для того, чтобы за нею с большим удобством скрывать свои замыслы и махинации» (*Vandal A. Op. cit.*, p. 54). Историк полагал, что Куракин не догадывался о деятельности Чернышева. Это мнение утвердилось во французской литературе (см.: *Arboit G. Op. cit.*; *Roucaud M. Op. cit.*). Документы убедительно говорят, что это не так. Отечественными историками вопрос о разведывательной деятельности А. Б. Куракина вовсе не поднимался.

⁸ См.: Российская национальная библиотека. Отдел рукописей, ф. 650 (далее — РНБ ОР), ед. хр. 1617—1621; Сборник императорского русского исторического общества (далее — СИРИО). СПб., 1877, т. 21, с. 329—331.

ную уверенность в том, что война начнется⁹. «Слухи о начале военных действий на Севере и всякого рода приготовления к оным не перестают умножаться, — писал он Румянцеву в начале декабря. — Повсюду при дворе и в городе явно говорят о скорой, неперемной войне против нас. С сожалением должен я повторить, что оное не подвержено уже ни малейшему сомнению»¹⁰.

Между тем еще в 1810 г. в качестве курьера при русском посольстве в Париже появился Александр Иванович Чернышев. «По-светски обходительный русский полковник, черноволосый, со слегка раскосыми глазами, — характеризует его В. М. Безотосный, — сумел завести обширные знакомства и связи в высших кругах парижской знати»¹¹. О Чернышеве говорили в великосветских салонах то шепотом, то в полный голос передавали истории о его любовных похождениях, простиравшихся до связей с женой министра полиции А. Ж. М. Р. Савари и даже сестры Наполеона Полины Боргезе, с ним милостиво общался сам император Франции... Несмотря на то, что Чернышеву достаточно быстро удалось наладить информационную сеть и начать поставлять в Петербург ценные сведения, он попытался переориентировать на себя и самый главный, уже давно действовавший канал: Чернышев заставил Вюстингера, консьержа русского посольства, выступавшего связующим звеном между Крафтом и Мишелем, организовать встречу с французским чиновником. Под давлением Чернышева, который пустил в ход не только деньги, но и обещания высокого покровительства, защиты и хорошей пенсии, Мишель начал поставлять полученные в обоих военных министерствах сведения не только Крафту, но и русскому полковнику. Несмотря на все возраставший риск разоблачения, Чернышев даже предложил Мишелю подкупить чиновников Главного штаба и крупных чиновников в военных министерствах. Мишель не рискнул этого сделать, но, то ободряемый посулами, то подталкиваемый угрозами со стороны Чернышева, заметно активизировал свои усилия¹².

Между тем в начале 1812 г. Наполеон дал указания министру полиции Савари и министру иностранных дел Маре найти явные доказательства разведывательной деятельности полковника А. И. Чернышева¹³. Наполеону нужен был скандал, чтобы обвинить Петербург в двуличии и агрессивных намерениях, оправдывая таким образом уже ставшие очевидными собственные приготовления к походу на Россию. Действия агентов префекта парижской полиции Э. Д. Пакье дали к концу февраля 1812 г. убедительные результаты, свидетельствовавшие о том, что Чернышев получает секретные сведения через работника одного из военных министерств. Сам же Чернышев, почувствовав опасность, решил как можно скорее покинуть Париж. 23 февраля он написал Н. Н. Демидову¹⁴, проживавшему во французской столице, что должен покинуть Францию, поскольку «так складываются обстоятельства». Николая Никитича он просил отговариваться неосведомленностью, если кто-либо будет о нем спрашивать¹⁵.

25 февраля Пакье набросал на листах бумаги то, что уже стало известно полиции: Чернышев смог достать из бюро передвижения войск два очень точных расписания войск, в которых были обозначены детали по каждой дивизии, а именно фамилии полковников, численность каждой части и их дислокацию; эти два рас-

⁹ См., например: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. М., 1962, т. 6 (далее — ВПП), с. 142—145; РНБ ОР, ед. хр. 1622—1624, 1628—1630; *Попов А. Н.* Указ. соч., с. 66—69.

¹⁰ СИРИО, т. 21, с. 351.

¹¹ *Безотосный В. М.* Указ. соч., с. 52.

¹² См., например: *Procès instruit par la cour d'assises de Paris contre Michel Michel...* Paris, 1812.

¹³ Французские власти давно знали о характере деятельности Чернышева. Об этом свидетельствуют как сами обстоятельства дела, так и переписка австрийского посла в Париже князя К. Ф. Шварценберга с министром иностранных дел Австрии К. Меттернихом (см., например: *Hof-, Naus- und Staats-Archiv, Karton 214, Berichten III, f. 42—43*).

¹⁴ Демидов Николай Никитич (1773—1828), крупный горнозаводчик и меценат.

¹⁵ AN, F VII, 6575, f. 394, 396.

писания — по двум корпусам — маршалов Л. Н. Даву и Н. Ш. Удино; у Чернышева нет сведений по корпусам маршала М. Нея, Евгения Богарне и их передвижениям, как и по всей кавалерии, сведения о которой были записаны по памяти и в очень упрощенном варианте; определено, что некто требовал конфиденциальной встречи с «одним из князей» русского посольства, чтобы сообщить, что контингенты получили приказ на начало движения; это лицо требовало предварительно определиться с ценой за эти сведения. В конце бумаги Пакье приписал: «Чернышев отъезжает этим вечером»¹⁶.

Расписание корпусов Даву и Удино, о котором идет речь, сохранилось¹⁷. Сохранилась также и разорванная, но не уничтоженная записка, написанная Чернышевым для Мишеля, в которой русский офицер назначал своему агенту встречу в саду на улице Варен рядом с одним из зданий русского посольства (дворца Бирона), где часто пребывал Куракин. Чернышев объяснял, как пройти с бульвара Инвалидов через ворота на улицу Гренель, а затем через небольшой проход к посольству; из приписки следовало, что ее автор был готов купить то, что будет предложено, если это окажется ему интересным¹⁸.

В тот самый день, а возможно и час, когда Пакье излагал на бумаге те сведения, которые удалось собрать его агентам о деятельности Чернышева, последний оказался в Елисейском дворце на аудиенции у Наполеона. Днем ранее французский император сделал решительный шаг к войне с Россией — был подписан секретный договор с Пруссией на предмет ее участия в войне против северной державы. Поэтому в надежде удержать последнюю как можно дольше в неведении насчет своих истинных намерений Наполеон решает отправить к Александру I полковника и флигель-адъютанта русского императора Чернышева с коротким письмом. На аудиенции, данной Чернышеву 25 февраля, присутствовал и герцог Бассано, которого Пакье регулярно уведомлял о ходе слежки за русским офицером. В течение двух часов император вслух размышлял по поводу недружественной по отношению к нему политики России, подавал надежду на возможность урегулирования разногласий и демонстративно указывал на размах своих приготовлений к войне. Он уверял, что не начнет войну в этом году, если русские войска не вступят в великое герцогство Варшавское или в Пруссию. Не преминул Наполеон посоветовать и по поводу того, что Петербург не дал Куракину особых полномочий на ведение переговоров¹⁹. Чернышев должен был доставить в Петербург письмо Наполеона, адресованное императору Александру²⁰.

В литературе широко бытует мнение о том, что Чернышев покинул Париж уже 26 февраля, и вечером того же дня, либо утром 27-го, агенты Пакье устроили в его комнатах отеля д'Анвер тщательный обыск, обнаружили в ходе него злополучную записку, благодаря которой личность Мишеля как главного информатора русского полковника и была установлена²¹. Однако Чернышев не мог покинуть Париж ни 26-го, ни 27 февраля хотя бы потому, что 28-го у него была аудиенция у Наполеона. В течение трех с половиной часов Наполеон снова говорил о возможности урегулирования спорных вопросов между двумя державами, стараясь закрепить и усилить то впечатление, которое пытался произвести на Чернышева (а через него и на

¹⁶ Ibid., f. 478.

¹⁷ Ibid., f. 448. Как явствует из документов, полиция в дальнейшем установит, что эта копия расписания была сделана Сальмоном для Мишеля, который в свою очередь передал ее Чернышеву.

¹⁸ AN, F VII, 6575, f. 473.

¹⁹ СИРИО, т. 21, с. 125—144.

²⁰ Текст письма см. *Napoléon Bonaparte*. Op. cit., t. 12. Paris, 2012, №30048, p. 278. После встречи Наполеона с Чернышевым Бассано кратко сообщил французскому послу в Петербурге Ж. А. Б. Л. Лористону ее содержание и дал понять, что император намерен начать с Россией войну, но при этом французский посол должен был демонстрировать самые миролюбивые чувства (АМАЕ, v. 154, f. 113—115).

²¹ См.: *Vandal A.* Op. cit., p. 312; *Rouscaud M.* Op. cit.; *Тимирязев В. А.* Указ. соч., с. 520; и др.

Александра I) двумя днями ранее²². Судя по тому, что арест камердинера Чернышева Жана Кундта, по прозвищу Саксонец, произошел 28 февраля²³, отъезд русского офицера мог состояться вечером того же дня, сразу после чего и был произведен обыск в отеле д'Анвер, в ходе которого и была обнаружена записка, помеченная инициалом «М»²⁴.

1 марта полиция установила, что единственным чиновником из числа персонала обоих военных министерств, чья фамилия начинается с инициала «М», и который мог быть так или иначе связан с утечкой документов, являлся Мишель, состоявший в бюро обмундирования и имевший «двусмысленную репутацию». В тот же день Мишелю предложили написать, не указывая даты, просьбу о предоставлении ему отпуска, что тот и сделал²⁵. Так как Мишель имел лучший, поистине уникальный, почерк среди чиновников обоих министерств, не составило труда определить, что он и автор злополучной записки Чернышеву — одно и то же лицо. Мишель был немедленно арестован.

Савари, получив в тот же день от Паке сведения о ходе расследования и аресте Мишеля, потребовал немедленно выявить всех, кто, работая в военных министерствах, поставлял ему секретные данные о Великой армии. Уже 1 марта был арестован и Жан Вюстингер, служивший консьержем при русском посольстве. К вечеру Савари, имея на руках уже достаточно сведений о деятельности Чернышева, поспешил составить доклад для императора. Не преминул министр полиции уведомить и своего соперника — герцога Бассано о том, что по его, Савари, приказу был арестован Жан Кюстингер (Вюстингер), связанный с чиновником из бюро герцога де Сессака Мишелем и который, как совершенно точно установлено, передавал Чернышеву секретные документы; причем встречи Мишеля и Чернышева происходили не где-нибудь, а в здании русского посольства²⁶.

Куракин давно наблюдал за бешеной активностью Чернышева с явным неодобрением. Слухи о шпионаже, центром которого было русское посольство, стали циркулировать в Париже уже в феврале месяце. Сразу после исчезновения Вюстингера, зная или определенно догадываясь, что именно с ним произошло, Куракин обратился к Бассано с настоятельной просьбой дать разъяснения²⁷. Бассано подготовил на это обращение чрезвычайно резкий ответ, который должен был задеть не только Куракина, но и самого русского императора, позволяющего близким к его престолу лицам заниматься шпионажем. Наполеон этот текст не одобрил²⁸. Маре пришлось подготовить и отправить Куракину другой ответ, значительно бо-

²² СИРИО, т. 121, с. 161—168.

²³ AN, F VII, 6575, f. 464, 480.

²⁴ Текст записки был зачитан во время процесса над «группой Мишеля» 13 апреля 1812 г., а затем воспроизведен в опубликованной стенограмме. Оригинал записки обнаружить не удалось. Полагаем, что она могла быть написана Мишелем 27 февраля в 10 часов вечера, а рано утром 28-го Чернышев получил от своего информатора обещание предоставить важные сведения, касавшиеся состава 4-го армейского корпуса и доказательства того, что императорская гвардия войдет в состав Великой армии. Не только историки (А. Вандаль, В. А. Тимирязев, А. Н. Попов, В. М. Безотосный, О. В. Соколов), но и современники событий (см., например: Шварценберг — Меттерниху. Париж, 10 марта 1812 г. — Hof-, Haus- und Staats-Archiv, Karton 214, Berichten III, f. 1—4) излишне много внимания уделяли истории с обнаружением в отеле д'Анвер записки. Эту детективную деталь запустил в дипломатические круги Маре, дабы не раскрывать факт длительного наблюдения французских агентов за Чернышевым и русским посольством.

²⁵ AN, F VII, 6575, f. 450, 451.

²⁶ AMAE, v. 154, f. 128—129.

²⁷ Ibid., f. 130. Куракин демонстративно создавал в дипломатических кругах впечатление, что он сам и не догадывался о разведывательной деятельности Чернышева.

²⁸ В литературе распространено мнение, что первый вариант ноты составил сам Наполеон, однако затем решил смягчить характер своего заявления (*Тихомиров В. А.* Указ. соч., с. 611—612; *Искюль С. Н.* Указ. соч., с. 43; и др.). Это суждение восходит к А. Вандалью (*Vandal A.* Op. cit., p. 320—321). Выявленные нами документы данную версию не подтверждают.

лее краткий и сдержанный, в котором тем не менее давалось понять, что арест Вюстингера связан со шпионской деятельностью Чернышева²⁹.

2 марта Наполеон распорядился, чтобы Маре в тот же день отправил курьера к Лористону, дабы тот не вступал в обсуждения по поводу «дела Чернышева». Император прямо указывал, что он не заинтересован в скандале, пока его войска не разместятся на Одере и Висле³⁰.

Между тем полиция продолжала свою работу по выявлению русской разведывательной сети в Париже. После допросов арестованных (Мишеля и его жены, Саже и его сожительницы, Кундта, Вюстингера), сличения почерков³¹ были произведены аресты Сальмена, Мозе, а также, как в дальнейшем было установлено, не причастных к делу Жана Анри Конза и работника министерства военной администрации Мореля³². Позже всех, скорее всего 16 марта, был арестован некто Луи Огюст Кавёлье, который проживал в том же отеле д'Анвер и был связан с русским полковником. Полиция подозревала, что в июне 1811 г. Кавёлье посетил ряд европейских городов (в том числе Мец) с разведывательными целями. Кавёлье поселился в отеле д'Анвер после того как возвратился из Касселя, где общался с сыном вестфальского министра Г. Э. Л. Винцингероде³³. Кавёлье сообщил, что познакомился с Чернышевым около пяти лет назад в Комеди франзес и нередко получал от него деньги за оказанные услуги.

Обсуждался даже вопрос об аресте барона П. Л. Крюденера, секретаря русского посольства, в отношении которого также имелись серьезные улики³⁴. Другой секретарь русского посольства П. С. Бутягин вынужден был 10 марта сделать заявление в полицию по поводу соответствия инициалов, которыми была подписана некая записка, фамилиям Чернышева и Жомини³⁵.

Авантюризм Чернышева и провал «группы Мишеля» резко ухудшили возможности для функционирования русского посольства в Париже, прежде всего, в плане сбора данных³⁶. 7 марта на стол Савари лег бюллетень, составленный на основе сообщений его агентов, внедренных в русское посольство. В бюллетене сообщалось, что в течение последних дней в русском посольстве было намного меньше посетителей, чем это бывало ранее. Составители бюллетеня считали, что причина заключалась в арестах, произведенных в последнее время; и хотя масштабы этих арестов в ведущихся в Париже разговорах значительно преувеличены, злословие публики дало свои результаты. На этом фоне, как доносили соглядатаи, в кабинете князя Куракина идет интенсивная работа. Г-н Дивов³⁷ и г-н Бутягин (в тексте —

²⁹ АМАЕ, v. 154, f. 132—133. 3 марта Бассано сообщил Савари, что на запрос Куракина о Вюстингере он ответил неосведомленностью (AN AF VII, 6575, f. 485). Что касается Куракина, то, получив ответ от Бассано, он сразу сообщил об этом в Петербург (АМАЕ, v. 154, f. 135). Тот факт, что в бумагах французского МИД оказалась копия письма Куракина Румянцеву, ясно свидетельствует, что французы, выявляя русских агентов, сами активно занимались шпионажем.

³⁰ *Napoléon Bonaparte*. Op. cit., t. 12, № 30110, p. 314.

³¹ AN, F VII, 6575, f. 453—461.

³² Арестованный 5 марта и препровожденный в тюрьму Лафорс, Морель сопровождал свои прошения междометиями «ох!», слезными уверениями в невинности и бесконечными поминаниями своей матери и маленьких детей (AN, AF VII, 6575, f. 483).

³³ *Ibid.*, f. 414, 444—445.

³⁴ *Ibid.*, f. 465. Секретаря посольства А. Л. Крафта, который был напрямую связан с «группой Мишеля», Куракин послеслел отправить в Вену (Шварценберг — Меттерниху. Париж, 11 апреля 1812 г. — Hof-, Haus- und Staats-Archiv, Karton 214, Berichten III, f. 102—103).

³⁵ AN, F VII, 6575, f. 488.

³⁶ 4 марта в ответ на ранее отправленную Куракиным просьбу, Савари отказал майору русской службы Парравичини, желавшему прибыть в Париж, «отклониться» от маршрута через Мангейм, чтобы посетить Амстердам. Отказ был аргументирован тем, что этот офицер уже имел «не очень хорошую репутацию», проявив себя как разведчик в Венеции, Швейцарии, германских землях и в Польше (АМАЕ, v. 154, f. 136).

³⁷ Возможно, речь идет об Адриане Ивановиче Дивове (1749—1814), жившем с 1801 г. вместе с семьей в Париже и возвратившемся в Россию накануне открытия военных действий в 1812 г.

Boutiakine) готовы отправиться в дорогу, как только получат на то приказ. Несколько раз в последние дни приходил в русское посольство грек Зафиров, который, по словам французских шпионов, «пользуется репутацией интригана». В отношении его сообщалось, что он родом из Мореи, говорит на нескольких языках и много ездит по миру. Во время нахождения русского флота в Средиземном море, Зафиров сел на судно и сошел на берег в Мессине. Выполнив секретную миссию по поручению русского консула, он получил возможность натурализоваться в России. Находясь в Париже, Зафиров занимался «отнюдь не коммерцией, кашемировыми шальями и товарами из Леванта, но беспрестанно сновал и сносился, чаще всего, с русским посольством», выполняя секретные миссии. Сообщалось и еще об одном человеке, постоянно входившем и выходившем из посольства — Кологривове³⁸, живущем на улице Прованс, 16. Кологривов все время сносился с консулом, совещался с князем Куракиным или с кем-нибудь из секретарей, и вместе с ними что-то писал.

Агенты Маре обратили также особое внимание на некоего барона Перпуше, который был близок к прусскому послу в Париже генералу Ф. В. Л. Круземарку и в то же время постоянно общался с сотрудниками русского посольства. В свое время барон состоял адъютантом при генерале Г. Л. Блюхере, а в сражении при Йене участвовал в качестве офицера Генерального штаба³⁹.

18 марта шпионы, внедренные в русское посольство, доложили, что некто Шульте, доверенное лицо Куракина, возвратился из Вены. Официально служивший при князе кучером, он являлся его «личным конфидентом». В Вене он выяснял возможности получения австрийских паспортов и провоза багажа русского посольства в Россию. Сообщалось также, что «князь Разумовский»⁴⁰ уже отбыл из Парижа в Вену, а Демидов⁴¹ должен отправиться на следующий день. В русском посольстве паковали чемоданы в ожидании выезда за пределы Франции. Наконец, сообщалось, что князь Куракин отправился к некоему лицу (имя неразборчиво), где он собирается получить новости от Чернышева, отправленные последним из Берлина; сам же Чернышев уже несколько дней как должен быть в Петербурге⁴².

На следующий день, 19 марта, Савари написал рапорт императору, в котором изложил сведения о подготовке, шедшей в русском посольстве к выезду, как через австрийские владения, так и через Страсбург. Савари просил Наполеона отдать по телеграфу приказы навести на этот счет справки⁴³.

Как известно, Наполеон решил воспользоваться разоблачением «группы Чернышева — Мишеля» в пропагандистских целях, чтобы обвинить Петербург в действиях против Франции, прикрыв тем самым собственные приготовления к нападению на Россию⁴⁴. С этой целью было решено организовать публичное разоблачение в общем суде. Это отвечало планам Наполеона еще и в том смысле, что судебный процесс мог состояться только более чем через месяц, что давало возможность «выдержать паузу» и позволить его войскам перейти Одер и достигнуть берегов Вислы. Только 23 марта «по очевидности улики» генеральный прокурор внес в имперский суд Парижа обвинительное заключение по поводу Мишеля, Саже, Сальмона и Мозе. Через три дня после этого Бассано дал официальный ответ на письмо Куракина от 2 марта по поводу Вюстингера⁴⁵. Продолжая тянуть время и усыплять Куракина, Бассано предложил дожидаться решения суда.

³⁸ Речь идет о Д. М. Кологривове (1780—1830), который состоял при русском посольстве.

³⁹ AN, F VII, 6575, f. 486.

⁴⁰ Речь шла, видимо, об Андрее Кирилловиче Разумовском (1752—1836).

⁴¹ Имеется в виду Н. Н. Демидов.

⁴² AN, F VII, 6575, f. 433.

⁴³ Ibid., f. 431.

⁴⁴ Пожалуй, только О. В. Соколов объясняет действия Наполеона главным образом надеждами императора на то, что Александр I «одумается» и согласится на переговоры (Соколов О. В. Указ. соч., с. 544—545).

⁴⁵ AMAE, v. 154, f. 217.

В начале апреля подготовка к судебному процессу над подкупленной русской агентурой четырьмя французами из военных ведомств вступила в решающую стадию. 3 апреля Бассано уведомил Лористона о сути истории с Чернышевым, отметив, вместе с тем, что сам Куракин в этом деле участия не принимал⁴⁶.

14 апреля из свежего номера «Gazette de France» Куракин узнал, что днем ранее состоялось первое заседание уголовного суда департамента Сены по делу «группы Мишеля»⁴⁷. Посол был возмущен и одновременно испуган. Он не предполагал, что дело о шпионаже, связанное с деятельностью Чернышева, будет предано огласке. Куракин немедленно подготовил ноту и отправил ее Бассано. Куракин напомнил Бассано, что на его запрос по поводу исчезновения консьержа посольства министр иностранных дел заявил, будто не в состоянии на него ответить, дав при этом понять, что при обнародовании подобного дела может открыться — а это совершенно недопустимо — компромат государственного уровня. Тем более удивительно, что, как писал посол, «в сегодняшних французских газетах» во всеуслышание было заявлено о фактах, «в высшей степени странных», и что действие, происходящее на заседании уголовного суда департамента Сены, «направлено против чести и достоинства моего государя». Куракин был возмущен тем, что французское правительство и министр иностранных дел относились к тому, что говорилось на заседании суда, как к правде, и что они санкционировали публикацию материалов в прессе. Куракин потребовал опровержения⁴⁸.

Бассано стал всячески изворачиваться, убеждая Куракина в нежелательности подобного рода объяснений. «Я готов испросить дозволения у императора, — заявил он, — но тогда бы пришлось напечатать и все документы, относящиеся к этому делу, чего именно не хотел император; и они не были обнародованы в “Монитор” потому, что могли быть неприятны как для вашего государя, так и для вашего посольства». На это Куракин ответил так: «Но в чем же вы нас обвиняете? Не употребляете ли вы точно такие же средства, чтобы узнать, что для вас нужно знать? На что употребляются те суммы, которые стоят в ваших бюджетах под рубрикою тайных расходов министерства иностранных дел?»⁴⁹.

Заседание суда по «делу Мишеля» продолжалось два дня — 13 и 14 апреля. Мишель приговорили к смертной казни и 1 мая гильотинировали, Саже — к позорному столбу с ошейником и последующему тюремному заключению. Сальмон и Мозе были судом освобождены, но вскоре после этого арестованы и как «государственные преступники»⁵⁰ заключены в тюрьму. Вюстингера, подобно Сальмону и Мозе, отпустили, но также ненадолго.

Куракин не скрывал своего мнения о том, кто именно был виновником тяжелой ситуации, в которой оказалось русское посольство в Париже. 11 (23) апреля он писал Румянцеву так: «Чернышев говорил в Лонгвию, что привезет ответ Его Императорского Величества, но, как кажется, мои известия о гнусном деле, которое возбуждено было сейчас после его отъезда, пришли вовремя, чтобы изменить это предположение. Признаюсь, я этому очень рад, потому что возникли бы тысячи новых неприятностей, если бы он снова здесь появился». И далее: «Я не доволен Вертингером за его жадность воспользоваться полученною ему уплатою, а также за то, что на допросе он сказал больше, чем следовало. Тем не менее, чтобы не возбудить его и сделать еще более против нас виновным, я, не выказав ему недоу-

⁴⁶ Ibid., f. 239; Hof-, Haus- und Staats-Archiv, Karton 214, Berichten III, f. 195—199.

⁴⁷ Помимо всего прочего, на суде прозвучало имя Нессельроде, принявшего в свое время активное участие в создании разведывательной сети в Париже. Это обстоятельство фактически перечеркивало возможность каких-либо переговоров между Францией и Россией, поскольку их начало много месяцев связывали с приездом Нессельроде в Париж с полномочиями от русского императора.

⁴⁸ АМАЕ, v. 154, f. 239.

⁴⁹ Попов А.Н. Указ. соч., с. 130.

⁵⁰ Формула «государственный преступник» позволяла в годы Первой империи содержать человека в заключении без суда неограниченное время.

вольствия, построю ему золотой мост, отправив его на родину в Вену»⁵¹. Отправить Вюстингера в Вену Куракин не успел. 1 мая, в день казни Мишеля, Вюстингера арестовали.

Куракину вновь пришлось заявить Бассано решительный протест. Последний предложил адресоваться министру полиции. Савари, в свою очередь, ответил, что причина ареста Вюстингера — это государственный секрет. Тогда Куракин вновь составил гневную ноту и отправил ее Бассано. Посол напомнил, что Вюстингер — австрийский подданный и не может быть судим французским судом. Далее посол указывал, что его арест — это новый недружественный шаг со стороны французского правительства. В заключение письма Куракин выразил опасение, что и с ним французские власти могут поступить столь же вероломно, как поступили с Вюстингером⁵². Освобождения Вюстингера добиться не удалось.

Между тем Куракин и сотрудники русского посольства продолжали действовать достаточно активно. В бюллетене от 22 апреля, подготовленном французскими агентами для Маре, отмечалось, что в последнее время заметно активизировались контакты между посольствами России и Соединенных Штатов Америки, что Куракин и Дж. Барлоу⁵³ часто беседуют наедине, и что русский посол передал американскому коллеге письмо, адресованное А. Я. Дашкову⁵⁴. Посетил русское посольство и «барон Гумбольдт»⁵⁵. Сообщалось, что во время посещения некая картина, висевшая на стене, привлекла его внимание, и Куракин был столь галантен, что предложил ее ему в подарок. Гумбольдт не стал отказываться, и картину тотчас же сняли и отправили к нему домой.

Продолжали часто видеть в посольстве и «русского грека» Зафирова», который «уходил от князя или от секретаря». По какому-то поводу захотел «срочно видеть князя» г-н Демидов⁵⁶, «и они долго беседовали».

17 апреля, в пятницу, в полдень, приходил к князю «некто по имени Дидо». «После было сказано, что это сын г-на Дидо, типографа императорского двора»⁵⁷. Дидо, как предположили соглядатаи Маре, сообщил Куракину, какие тексты, связанные с подготовкой к войне, должна печатать императорская типография.

В бюллетене сообщалось, что Куракина продолжали часто посещать две дамы — мадам Делатур⁵⁸, проживающая на улице Конкорд, 8, и мадам Достлингу (баронесса д'Этлингу)⁵⁹, проживающая на улице Сент-Оноре, 416. О мадам Делатур сообщалось только то, что она родом из Арраса и очень известна в большом свете. В отношении мадам Достлингу давалась более обширная справка: будучи разорена игрой, она находилась в постоянных поисках средств, для получения которых «сильно лелзтит князю», уединяется вместе с ним «за экраном» и делает ему «различные не-

⁵¹ СИРИО, т. 21, с. 362.

⁵² АМАЕ, v. 154, f. 353—355.

⁵³ Барлоу Джоэл (1755—1812) американский поэт и дипломат, посол США во Франции. Во время войны 1812 года отправился в Вильно, где находился Маре. Умер от пневмонии в Польше при возвращении из России.

⁵⁴ Дашков Андрей Яковлевич (1775—1831), русский посол при Конгрессе США. Судя по пометке на страницах бюллетеня, это письмо было передано Барлоу еще 31 марта 1812 г.

⁵⁵ Речь, по-видимому, о Ф. В. Г. А. фон Гумбольдте (1769—1859), великом ученом, проявившем себя в разных сферах человеческого знания, а также на внешнеполитическом поприще. Напомним, что Гумбольдта в 1811 г. пригласили присоединиться к русскому посольству, которое должно было отправиться в Кашгар и Тибет. К сожалению, эти планы не осуществились.

⁵⁶ Речь идет о Николае Никитиче Демидове.

⁵⁷ По всей видимости, речь шла о Фирмене Дидо (1764—1836), представителе знаменитой династии типографов, книготорговцев и словолитчиков, который с 1811 г. был директором императорского печатного двора, и его старшем сыне Амбруазе Фирмене Дидо (1790—1876).

⁵⁸ Возможно, речь идет о Генриетте-Люсии, маркизе де Латур-дю-Пен (1770—1853), знаменитой даме эпохи Старого режима, Директории и Первой империи, известной мемуаристке.

⁵⁹ Мы не смогли определить, о ком идет речь.

большие подарки, сделанные ее собственными руками». Отмечалось, что эта дама близка к принцессе Полине⁶⁰.

Зная об интенсивных приготовлениях Наполеона к войне и все чаще приходя к мысли о ее неизбежности, Куракин, как рачительный хозяин, начал подготовку посольства к эвакуации. В реляциях и письмах он не раз поминал, в каком тяжелом положении оказывалось австрийское посольство в Париже в 1805 и 1809 гг. при начале войны с Францией. 6 апреля Куракин поставил перед Бассано вопрос об отправке в Россию 15 опломбированных ящиков с каким-то грузом⁶¹. В бюллетене от 22 апреля также сообщалось, что «князь ускорил свои приготовления к отъезду» и что «уже упаковано столовое серебро», для чего специально даже приглашался золотых дел мастер Одио⁶². Решался вопрос и в отношении мебели дворца Телюссон⁶³.

В бюллетене от 27 апреля сообщалось, что двумя днями ранее в русском посольстве вновь побывал Зафилов, а также Демидов, который готовился к отъезду и постоянно «всем надоедал, уверяя, что у него много проблем». Наконец, «герцогиня Курляндская»⁶⁴ передала Куракину письма для отправки в Россию⁶⁵. Был 25-го, как и днем ранее, О. Шуазэль-Гуфье⁶⁶.

26-го, в воскресенье поутру, к князю пришел адвокат Фальконе⁶⁷, проживавший на ул. Сен-Жак, и они долгое время разговаривали тет-а-тет; наконец, Фальконе покинул посольство, но затем возвратился снова, на этот раз вместе с Шуазэлем. Кроме того, в саду посольства Куракин общался с бароном Дюбуа⁶⁸, хирургом⁶⁹.

Еще 24 апреля Куракину в Париж были доставлены послания от Александра I и Румянцева, предназначенные для передачи Наполеону и Маре⁷⁰. Однако Куракин был принят Наполеоном только утром 27 апреля в Сен-Клу. К полудню этого

⁶⁰ AN, AF IV, AP 204.

⁶¹ AMAE, v. 154, f. 256—257.

⁶² Вероятно, речь идет о знаменитом Жане-Батисте Одио (1763—1850), французском ювелире, главе ювелирного дома Одио, основанного в 1695 г. и существующего по настоящее время.

⁶³ AN, AF IV, AP 204. Русское посольство в 1812 г. располагалось в двух комплексах. Во дворце Телюссон, построенном К. Н. Леду (к сожалению, строения этого дворца и великолепный парк, их окружавший, были уничтожены еще в XIX в.) и во «дворце Бирона», находившемся, в отличие от дворца Телюссон, не на правом, а на левом берегу Сены, рядом с Дворцом инвалидов по улице Варен (ныне здесь музей Родена). Это здание было более камерным, но также окруженным прекрасным парком. Недалеко от него, по улице Дю Бак, находилось министерство иностранных дел Франции.

⁶⁴ Речь идет, по-видимому, об Анне Шарлотте Доротее фон Медем, Доротее фон Бирон, герцогине Курляндской (1761—1821), известной содержательнице аристократического салона, любвице Ш. М. Талейрана.

⁶⁵ AN, AF IV, AP 204.

⁶⁶ О. Шуазэль-Гуфье (1752—1817), известный дипломат, член Французской академии, археолог и коллекционер древностей. Долго жил в России и даже занимал должность президента Императорской академии художеств.

Вместе с тем, как отмечали французские шпионы, по сравнению с прежними временами, почти все посетители, которые часто приходили к Куракину, исчезли. Только время от времени у князя появляется «принцесса Роган-Рошфор, г-н Шуазэль, г-н де Верак, мадам Шатильон и мадам Делатур д'Овернь». «Принцесса Роган-Рошфор» — Роган-Рошфор Шарлотта (Шарлотта-Луиза-Доротее де Роган) (1767—1841), вдова Луи-Антуана-Анри, герцога Энгийского, расстрелянного в 1804 г., брак с которым не был признан. «Г-н де Верак» — Л.Ф. де Сегюр, маркиз де Верак (1753—1830), известный дипломат, бывший посол при русском дворе, обер-церемониймейстер при Первой империи, член Французской академии. «Мадам Делатур д'Овернь» — вероятно, вдова знаменитого Теофила Мало Коре де Латур д'Овернь (1743—1800), «первого гренадера Франции», историка. Кто именно фигурирует в тексте под именем «мадам Шатильон» установить не удалось.

⁶⁷ Амбруаз Фальконе (1742—1817), известный адвокат эпохи Старого порядка, мемуарист.

⁶⁸ Дюбуа Антуан (1756—1837), известный французский хирург, принимал роды у императрицы Марии-Луизы.

⁶⁹ AN, AF IV, AP 204.

⁷⁰ Эти послания были доставлены А. Н. Сердобиным (старшим), побочным сыном князя Куракина, состоявшим при русском посольстве.

дня Куракин возвратился в посольство, как передавал французский информатор, «очень грустный» и очень недовольный. Куракин сразу потребовал к себе Кологринова и приказал ему быть готовым к отбытию, а сам, запершись вместе с секретарями, начал писать⁷¹. В тот час он определенно составлял депешу Румянцеву, докладывая ему о состоявшемся разговоре с Наполеоном. Сразу затем Куракин бросился к Бассано, «чтобы узнать от него с большею подробностью и переговорить с ним о мыслях императора Наполеона на счет средств остановить на некоторое время неминуемое столкновение двух противных армий и с возможною осторожностью лучше подготовить соглашение, которого основания почти определены как с той, так и с другой стороны и которого, в сущности, кажется, желает сам император Наполеон»⁷².

Французские шпионы сообщали, что в тот же день, 27-го же апреля, в русском посольстве побывал г-н Ривьерр, секретарь графа Келлера, который принес многочисленные письма⁷³.

Во время аудиенции 27 апреля Наполеон предложил Куракину повременить несколько дней с отправкой курьера в ожидании новых сообщений из Петербурга⁷⁴. Однако на практике эта просьба превратилась в фактический запрет отправки посольством каких-либо сообщений в Петербург. Более того, Наполеон и Маре, неизменно повторяя о своей готовности обсуждать проблемы, возникшие в отношениях между Россией и Францией, на деле уклонялись от этого и даже не отвечали на ноты русского посла, которые он вынужден был отправлять по этому поводу. Наконец, Куракину, получившему известия о скором отъезде Наполеона из Парижа (ни для кого не было сомнений, что конечной целью этой поездки будет прибытие императора к армии, двигавшейся к границам России), пришлось заявить о своей готовности потребовать паспорта и покинуть французскую столицу.

Но готов ли был Куракин в те дни в действительности потребовать паспорта и выехать из Франции? Такой вопрос Бассано ставил перед агентами, внедренными в русское посольство. В бюллетене от 8 мая, анализируя поведение Куракина, шпионы делали вывод, что русский князь — по крайней мере в ближайшее время — Францию покидать не собирается. Это мнение было основано на том, что Куракин нанял много новых слуг, а также продолжает работы по отделке и мебелировке загородного дома в Севре, явно собираясь жить там, а также на том основании, что двумя днями ранее он приглашал в Севр некую мадам Крауфорт. Кроме того, князь продолжал, зачастую демонстративно, показываться на публике в садах Тюильри и на спектаклях. 7 мая он был в «Турецком саду» и довольно долго гулял по бульвару дю Тампль⁷⁵. Между тем, Куракин все же готовился к отъезду из Франции. Утром

⁷¹ AN, AF IV, AP 204.

⁷² СИРИО, т. 21, с. 362—367, 379.

⁷³ AN, AF IV, AP 204.

⁷⁴ Сразу по окончании «процесса Мишеля» французские власти стали последовательно создавать вокруг русского посольства настоящую информационную блокаду. Так, к примеру, в парижском Национальном архиве отложились оригиналы многочисленных писем и рапортов П. О. Моренгейма, поверенного в делах России в Мадриде, адресованные как Куракину и сотруднику его посольства Крафту, так и канцлеру Румянцеву в Петербург, которые были перехвачены французскими властями. Первая из этих бумаг по времени составления помечена Мадридом 12 (24) апреля 1812 г. (AN, AF IV 1699).

⁷⁵ AN, AF IV, AP 204. В этом бюллетене сообщалось, что в последние дни Куракина посетили не так много людей, особенно тех, кто обычно ранее с ним обедал. Однако 8 мая с официальным визитом пришла княгиня Шварценберг. Часто бывал адвокат Фальконе, «русский Левашев» (видимо, П. А. Левашев (1719—1820), известный в то время писатель и дипломат), с которым князь подолгу беседовал, много раз на неделе приходили американцы Поркин и Эверест. 7 мая был «Midoff» (речь, конечно, шла о Н. Н. Демидове; первый слог в его фамилии не очень осведомленные французы часто принимали за благородную приставку «де») с племянником с прошальным визитом перед отъездом, запланированным на 9 мая. Наконец, видели у князя мадам д'Ормессон, даму *sorte d'intimité*, жившую в отеле Брюссель на ул. Ришелье. Трудно сказать определенно, о какой даме из рода д'Ормессон идет речь; мы не исключаем, что об Анриете Эрнестине (1787—1866),

8-го мая он занялся осмотром своего гардероба. Отбирая из одежды то, что ему уже было не нужно, он дарил это своим слугам. Камердинеру князь «с большой печалью» сказал, что если вскоре они расстанутся, то ему бы хотелось, чтобы о нем вспоминали с любовью⁷⁶.

Рано утром 9 мая Наполеон с частью своей свиты выехал из Сен-Клу и отправился в Дрезден. 11 мая вслед за императором Париж покинул и Маре. В тот же день Куракин составил послание для своего государя. Он выражал надежду, что его решение затребовать паспорта, о чем он уже не раз сообщал в Петербург, русский император все же одобрит. Далее он сообщал, что считает «себя уже частным человеком, окончившим свои служебные отношения. Я поселился в деревне, где мне будет приятнее выносить мое положение, находясь в некоторого рода плену, из которого умоляю Ваше Императорское Величество увлечь меня, потребовав, чтобы меня отпустили, используя те же способы [которые используются в отношении меня] в отношении Лористона, на что вы имеете полное право»⁷⁷.

В Петербурге поступили не так, как просил о том Куракин и закрыли глаза на то, что русский посол фактически оказался в заложниках. Никаких препятствий для выезда из России Лористона вместе со всем посольством и архивом не было создано.

Только 2 июля Куракин получил ноту Маре от 12 июня, отправленную из Торна, в которой фактически объявлялось, что Франция находится в состоянии войны с Россией. При этом русскому послу сообщалось, что он не сможет пересечь Рейн до тех пор, пока не будет получено сообщение о выезде из России Лористона⁷⁸. 3 июля, в пятницу, в два часа пополудни, на экстренное заседание собрался французский Сенат, где было объявлено о начале войны между Французской империей и Россией. Князь Куракин, все еще страдая от подагры (из-за нее накануне он не выходил из дома несколько дней), должен был теперь целые дни проводить в своем кабинете вместе с Крюденером, Сердобиным и Колоколовым, получая доклады, анализируя поступавшие данные и готовя бесчисленные письма⁷⁹.

В начале августа Куракин переехал из дома в Севре в Париж и поселился во дворце Телюссон. Но к прежнему широкому образу жизни он уже не возвращался. В бюллетене от 7 августа, составленном французскими информаторами, наблюдавшими за русским послом, перечислялось только несколько человек, посетивших князя за неделю (или почти за неделю) его пребывания в Париже: 5 августа был с визитом граф Шуазель и общался с Куракиным довольно долгое время; посетил американский посол Барлоу; г-н Крауффорд; мадам Роган-Ришелье. 6 августа князь сам ездил к американскому послу на улицу Вожирар и оставался там до 10 часов вечера. Но особое внимание французских соглядатаев привлекло в те дни общение Куракина с бароном Дайсером, секретарем австрийского посольства. 6 августа Куракин написал Дайсеру, приглашая его на следующий день в русское посольство. С утра 7-го сам князь и его секретари, запершись в кабинете, много писали. На столе у них можно было «видеть многочисленные письма и пакеты, все запечатанные и готовые к отправке». В половине первого во дворец Телюссон прибыл Дайсер и оставался там до трех часов. После его отъезда, как сообщили

супруге М. А. Ф. де Поля Лефевра д'Ормессон (1785—1858), 3-го маркиза д'Ормессон, дочери генерала Э. Груши.

⁷⁶ AN, AF IV AP 204.

⁷⁷ СИРИО, т. 21, с. 346—348.

⁷⁸ AMAE, v. 154, f. 514—515.

⁷⁹ AN, AF IV AP 204. Осведомители Маре сообщали в те дни своему шефу, что князя посещает совсем мало людей. Был врач Бурдуа, который пробыл в доме почти весь день; несколько раз приходил И. И. Смирнов, генеральный консул в Амстердаме; 5 июля, в воскресенье, приходил Лаффит (речь идет о знаменитом Жаке Лаффите (1767—1844), банкире и политике); наконец, 4-го, в субботу, с кратким визитом был г-н Гильоме, секретарь генерала Вальтерсдорфа (Эрнст Вальтерсдорф (1755—1820), датский дипломат, в 1810—1820 гг. посланник в Париже), доставивший князю какие-то известия.

французские шпионы, ни писем, ни пакетов больше не было видно — их забрал Дайсер для отправки через австрийское посольство⁸⁰.

9 августа, по сообщениям осведомителей, барон Дайсер отправил в Вену курьера, которому был вручен пакет, по-видимому, с «отчетом князя Куракина». Осведомители обратили также внимание на то, что камердинером при Дайсере служит немец по имени Андре, который нередко выполняет особые поручения своего хозяина, возможно, и на предмет отношений с Куракиным. Еще одним лицом, с которым Куракин виделся часто в начале августа, и которое привлекло внимание соглядатаев Маре, был генерал граф де Борк, бывший ранее посланником Дании в Мадриде. Причем Борк не приезжал к князю, но Куракин сам ездил к нему на ул. Мадлен и встречался там с г-ном Гильоме, секретарем генерала Вальтерсдорфа. При этом в отчете о наблюдении за русским посольством указывалось, что Борк был в свое время тесно связан с Чернышевым, а Гильоме, секретарь Вальтерсдорфа, много работал у Куракина последний месяц в Севре с письмами, которые предположительно прибывали из России.

В бюллетене от 14 августа сообщалось, что князь, возвратившись в Париж из Севра, все же постепенно отказался от затворничества, стал проявлять интерес к сервировке стола, состоянию своего экипажа; начал довольно часто видаться с послом Америки Барлоу и несколько раз — с г-ном Добсоном, поверенным в делах Швеции⁸¹.

Готовясь к отъезду из Парижа, Куракин продолжал делать все что было в его силах, чтобы помочь Отечеству в годину несчастий. Он сам и его секретари Сердобин и Крюденер без устали писали и отправляли письма, пытаясь информировать Петербург о происходивших в Европе событиях. Всюду, где было возможно, и всем, кому возможно, Куракин говорил о неисчислимых ресурсах Российской империи, о безмерных доказательствах преданности, которые подданные проявляют по отношению к своему государю, о грандиозных мерах, которые предпринимаются в России для борьбы с наполеоновским нашествием, и т.д. Так как русское посольство почти перестали посещать иностранцы, Куракин возобновил прогулки по бульварам и садам, часто близко к дворцу Тюильри, чтобы, столкнувшись с бывшими знакомцами, пытаться, источая оптимизм, убеждать их в безусловной победе России. 15 августа, в день рождения Наполеона, Куракин приказал демонстративно погасить все огни возле дворца Теллюсон, оставив только один фонарь⁸².

Между тем атмосфера неопределенности к концу августа стала сильно угнетать Куракина. Князь все реже стал выезжать из здания посольства и даже совсем прекратил посещать театры. Единственным исключением были интенсивные контакты с представителями американского посольства, прежде всего, с Барлоу. Продолжал функционировать и канал информации через генерала Вальтерсдорфа⁸³. Шпионы, внедренные в русское посольство, сообщали в те дни, что Куракин и его люди используют последние моменты пребывания в Париже для того, чтобы получить как можно больше сведений, с каковой целью используют контакты, прежде всего с представителями США, в особенности с Барлоу, Краффортом, а также с Шуазёлем (во время бесед с ними Куракин, в частности, распространялся о том, что русские серьезно уповают на северный климат, который приведет армию Наполеона

⁸⁰ AN, AF IV, AP 204. Судя по документам австрийских архивов, Куракину и персоналу его посольства австрийцами была оказана определенная помощь (Hof-, Haus- und Staats-Archiv, Karton 215, Berichten V, f. 9v, 48—51v; etc.). Но Меттерних не решился дать согласие на приезд Куракина в Вену или в Прагу и пребывание там «вплоть до заключения мира» (ibid., f. 127—129). О передаче Куракиным депешей для Петербурга через «австрийский канал» во время войны 1812 г. документы венских архивов умалчивают. Однако материалы французских архивов об этом определенно свидетельствуют.

⁸¹ AN, AF IV, AP 204.

⁸² Ibidem. Соглядатаи сообщили также, что 18 августа Куракин сам нанес визит к Роган-Рошфор, чтобы предложить ей составить ему компанию в поездке на лоно природы.

⁸³ AN, AF IV, AP 204.

к гибели). Но не только. Соглядатаи докладывали, что князь предоставил большой пансион четырем из своих слуг, которые должны остаться в Париже. Двое из них — французы: Дамонвиль, посыльный, и Бокет, консьерж; третий — швейцарец по имени Клод, и четвертый — отец Кисслер, поляк, духовник тех женщин посольства и Дома Куракина, которые исповедовали католичество. «В этом великодушии, — отмечалось в бюллетене, — не было бы ничего экстраординарного, если бы это не вызывало удивления в доме, и если бы хоть один из этих четырех слуг отличился по службе». К примеру, Дамонвиль получил пенсию за то, что он, по свидетельству князя, якобы помог ему во время пожара во дворце князя Шварценберга, что является явной неправдой. Осведомитель указывал также на подозрительную роль французского секретаря князя по имени Жорж, который тоже получил пенсион, да вдобавок к нему 6 тыс. франков (что составляло оплату его работы как секретаря не менее чем за семь или восемь месяцев), которые князь вручил ему лично⁸⁴.

Французская контрразведка скрупулезно собирала любые сведения о контактах Куракина и его людей с кем бы то ни было. В специальном бюллетене, подготовленном 5 октября, уже после отъезда Куракина из Парижа, главной фигурой, на которой сосредоточилось внимание контрразведки, оказался американский посол Барлоу, пытавшийся «играть роль посредника» между русским князем и французскими властями. Среди тех, кто проживал в Париже, наиболее «гнусные новости» поставляли Куракину Лаффит, Крауффорд, Шуазель и баронесса д'Этлинг. Отмечалось, что баронесса д'Этлинг была в свое время любовницей Куракина и, хотя эти отношения были уже прерваны, князь Куракин продолжал выплачивать ей пенсион в 500 франков в месяц. Баронесса, растратившая свое состояние в игре, между тем часто бывала в свете, посещая в том числе дома Роган-Рошфор, Богарне, Ла Рейньер и т.д. Она поставляла князю «новости дня». Соглядатаи сообщали, что однажды, «в последний месяц» пребывания князя в Париже, баронесса приехала к нему в сопровождении Сердобина «и привезла некий ящик. На дне этого ящика был перстень в виде двух цветков черной лилии, в центре которых были волосы герцога Энгийского» (*подчеркнуто в оригинале*).

Интенсивными были также контакты Куракина с Шуазёлем-Гуфье. Хотя сам Шуазель-Гуфье не имел возможности быть в курсе всех новостей, циркулировавших в парижском обществе, он получал письма из Польши и от своего сына, а также имел «доступ к тому каналу, который использует г-н Нарбонн для своей корреспонденции»⁸⁵.

Куракин покинул Париж только в конце сентября и после многих мытарств к ноябрю 1812 г. все же достиг границ России. Ряд сотрудников его посольства добирались до России иными путями, продолжая при этом вести интенсивную разведывательную деятельность. Показательна в этом отношении история, происшедшая с секретарем посольства П. А. Крюденером. В начале сентября 1812 г. Савари, видимо еще не получивший распоряжение Бассано, выдал для Крюденера паспорт, по которому последнему разрешалось вернуться в Россию через Ганновер, где он должен был увидеться со своей матерью. Но Крюденер замето «задержался» и только 7 марта 1813 г. прибыл в Майнц, откуда он должен был продолжить свой путь через Кёльн. Савари приказал вернуть его в Страсбург, где его по приказу Наполеона задержали с целью использовать его в качестве заложника, пока не будет возвращен секретарь французского посольства в Берлине. Препровожденный в крепость Оксон в июле 1813 г., в декабре он оттуда бежал и сумел достичь расположения русских войск.

Подведем итоги. Русское посольство в Париже во главе с «бриллиантовым» князем А. Б. Куракиным сыграло накануне и в начале войны 1812 года важнейшую роль в плане получения Петербургом ценнейших сведений о планах и действиях

⁸⁴ Ibidem.

⁸⁵ Ibidem. Л. М. Ж. А. Нарбонн-Лара (1755—1813), незаконнорожденный сын короля Людовика XV, генерал-адъютант Наполеона.

неприятельской стороны. Вопреки прежним весьма распространенным представлениям, когда князь изображался своеобразным «манекеном» или в лучшем случае фигурой «прикрытия», убедительные факты, содержащиеся в документах французских и австрийских архивов, придают этому историческому персонажу подлинно драматический оттенок. Обладая политическим чутьем и обширными связями в странах Европы и США, А. Б. Куракин смог быстро и точно понять истинный смысл действий и слов Наполеона и своевременно уведомлять об этом Петербург. Русское посольство в Париже во главе с А. Б. Куракиным было главным центром сбора и анализа разнообразных данных, свидетельствовавших о последовательных приготовлениях французского руководства к войне с Россией. Вопреки распространенному мнению о ключевой роли А. И. Чернышева в получении секретных сведений о военной машине Наполеона, не меньшую роль играл А. Б. Куракин. Более того, необдуманные и авантюристские действия Чернышева поставили под угрозу выполнение посольством разведывательных функций. Однако, несмотря на возникновение серьезных проблем, связанных с раскрытием «группы Чернышева — Мишеля», А. Б. Куракин продолжал активно собирать разведывательные данные как о действиях и планах Наполеона, так и о внутреннем положении в самой Франции. В условиях начавшейся войны между двумя державами и находясь фактически на положении заложника, князь не прекратил усилий по сбору информации и поиску способов доставки ее российскому руководству.